

СООБЩЕНИЯ

© 1996 г. П. В. СЕДОВ *

ПОДНОШЕНИЯ В МОСКОВСКИХ ПРИКАЗАХ XVII ВЕКА

Подношения в приказах допетровской Руси — явление, достаточно известное по упоминаниям в источниках и исторической литературе, хотя нет ни одного сколько-нибудь обстоятельного исследования по данной теме. Обзоры системы центрального управления XVII в. в лучшем случае ограничиваются констатацией широкого распространения в приказах “посулов” наряду с другим пороком системы управления XVII столетия — волокитой.

Тема “кормления от дел” впервые стала предметом специального рассмотрения в монографии Н. Ф. Демидовой, где ей посвящен небольшой раздел. Н. Ф. Демидова выделила различные виды подношений в приказах: “почесть” предлагалась заранее для успешного продвижения дела, “поминки” — за конкретную работу с целью ее ускорения и “посулы” (собственно взятки) — за нарушение закона. На основе косвенных данных Н. Ф. Демидова сделала предположение, что доходы, получаемые большинством подьячих “от дел”, в несколько раз (не менее трех) превышали размер их денежногоклада¹.

Некоторые сведения о подношениях в московских приказах содержатся в сочинениях иностранных авторов. Однако обычно эти авторы не имели возможности лично наблюдать за деятельностью приказов, и потому их сведения носят, как правило, поверхностный характер. Многие из них ограничились лишь общими замечаниями о “продажности” и “подкупности” судей².

Еще в XIX в. исследователи обратили внимание на материалы о подношениях в приказах, содержащиеся в расходных книгах монастырских московских служб; три такие книги были в свое время опубликованы³. В различных монастырских фондах хранятся многие сотни подобных расходных книг, а также отписки из Москвы монастырских стряпчих с описанием хода дела в приказах, взаимоотношений с приказными людьми и сведениями о даче им всевозможных подношений. В настоящем сообщении использованы уникальные данные, содержащиеся в фонде Иверского Валдайского монастыря (ф. 181) Архива Санкт-Петербургского филиала Института российской истории РАН, а также в фондах Успенского Тихвинского (ф. 132), Спасо-Прилуцкого (ф. 271) и Александро-Свирского (ф. 3) монастырей того же архива, фондах Антониево-Сийского (ф. 1196) и Соловецкого (ф. 1201) монастырей РГАДА. К работе привлечены также следственные дела о “посулах”.

При использовании монастырских расходных книг невозможно обойти вопрос о достоверности их сведений. Следует иметь в виду, что по приказам ходили особо доверенные люди и, как правило, по двое — монах московского подворья и монастырский стряпчий. Из монастыря, случалось, поправляли находившихся в Москве монахов, если они неточно указывали размер израсходованных сумм. Так, в 1674 г. власти Иверского монастыря писали в Москву о том, что подьячему Б. Протопопову было “посулено” не 10 руб., как сообщали из Москвы, а только пять⁴. В узком мире монашеской братии едва ли можно было скрыть крупное злоупотребление.

В монастырях хорошо представляли размеры платежей в приказах и московские цены и, проверяя расходные записи, делали строгий выговор за лишние траты. В 1679 г. власти Иверского монастыря пеняли иеромонаху: в твоих книгах “многие статьи писаны знатно, что лживые, и велми живешь харчисто или даром пишешь”: “к саням завертки покупаешь пенковые по четыре алтына, и то явное твое неправое письмо: на Москве пенковых заверток отнюдь в четыре алтына не покупают”. Монастырские власти осудили также большой расход на вино (32 ведра за 5 месяцев): “а у прежних строителей такова болашаго винного расходу и в покупки и в год не бывало, а монастырские дела за тем не стояли”⁵.

Случалось, что не все подношения в приказах записывались в расходных книгах. Например, в 1672 г. стряпчий Иверского монастыря, обвиняя прежнего настоятеля московского подворья в недодаче ему

* **Седов Павел Владимирович**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Института российской истории РАН.

жалованья, утверждал: “все было у него в руках, а приказным людям знаю я, что кому шло сверх моих книг и росписей”⁶. Однако отдельные неточности в монастырских расходных книгах не могут существенно исказить содержащиеся в них данные о подношениях в приказах, тем более что документы разных монастырей чаще всего указывают одинаковые суммы расходов на приказные нужды на протяжении всего XVII века. Монастырские стряпчие, ведшие дела в приказах, так или иначе были связаны с монастырем и жили на московском подворье (нередко с семьей, которую содержали за счет монастыря). Это ограничивало возможные злоупотребления при расходе денег на приказные нужды. Приказные дела Прилуцкого монастыря часто вели хлопотавшие по своим делам в Москве монастырские крестьяне⁷.

Разнообразие обстоятельств, сопровождавших подношения приказным людям, вынуждает предварить их классификацию описанием наиболее типичных случаев. Существо “почести” состояло не в материальной ценности подносимого, а в самом факте почтения. Подношение икон, церковных книг, овященной воды, пасхальных яиц наиболее точно выражает нематериальный характер “почести”. Иконы стоили немалых денег, особенно обложенные дорогими окладами, однако в допетровской Руси было весьма стойким убеждение, что икона не может иметь цены: в случае покупки иконы употреблялось выражение “мена”. Принимая икону, приказные получали таким образом благословение.

Икону обязательно подносили покровителю монастыря, назначаемому по особому распоряжению царя. В 1672 г. иверский архимандрит послал в Москву икону для покровителя монастыря А. С. Матвеева, так обосновав свои действия: “потому что я новой архимандрит, образа от меня ему благословения не бывало”. В случае, если А. С. Матвеев уже почему-либо получал от его имени образ, посланную икону следовало поднести “боярыни ево” и “побить челом ее, чтоб она <...> к нам, убогим, была милостива и о нуждах наших Артемону Сергеевичу заступница”. А. С. Матвеев ведал монастырь через подчиненный ему Посольский приказ. Его подьячих также следовало почтить иконами, о чем в 1670 г. думный дьяк Г. К. Богданов напоминал монастырскому стряпчему: “монастырь де ваш приказан нам ведать и от того де нам бывают иконы подносят”⁸,

Большим спросом пользовались издания типографии Иверского монастыря. В 1674 г. подьячий Новгородского приказа Б. Протопопов, читавший перед А. С. Матвеевым выписку о монастырском деле, попросил монастырского стряпчего, “чтоб ему пожаловали книгу Рай”. “А он человек доброй”, — добавил о нем стряпчий. Настоятель иверского подворья в Москве просил прислать для дьяка Монастырского приказа Ф. Артемьева “Брашно с плачами в переплете, хорошенко зделав: человек он доброй, всякие крамолы отбивает и спорит, ожидая от вашей чесности благословения”⁹. Монастыри сотнями раздавали вкладчикам и приказным ложки, братины, стаканы, ковши, четки и гребни. Наиболее массовыми подношениями “в почесть” были калачи и пироги. Их несли как состоятельные, так и бедные просители. Стоимость пирога колебалась от 6 до 12 коп., но иногда достигала 24 коп. Еще дороже были подносимые подьячим вяземские коврижки — 9, 12 или 25 коп. — и “калушка” — 50 коп.¹⁰

Иконы, а также калачи и рыба, если ее было немного, принадлежали к разряду “почести”, которую можно было принять, не беря на себя обязательств решить дело в пользу дарителя. В 1669 г. думный дворянин С. И. Заборовский взял от иверских монахов “в почесть” образ, хлеб и рыбу, а соль отослал обратно. В 1674 г. он также пытался сохранить хотя бы видимость независимости и, принимая 100 пуд. соли стоимостью 20 руб., “рекся доброе делать и за соль бьет челом и давал деньги. И мы по вашему писанию не взяли”, — сообщали монахи в монастырь. В 1678 г. окольный А. С. Хитрово взял икону в “почесть”, “а соли не принял”¹¹.

Челобитчики не упускали случая поздравить приказных с новосельем, именинами и свадьбами домашних или выразить свои сожаления по поводу пожара¹². Без “почести” было трудно даже подступиться ко вновь назначенным приказным людям: в 1676 г. остановились дела Иверского монастыря в Поместном приказе “затем, что начальные люди ныне все новые, не можем к ним по се число признаться, преже дела хотя почести немалой”¹³.

Почтить приказных можно было и иным подарком. Иверский монастырь славился своими мастерами, и в 1670 г. думный дьяк Г. С. Караулов просил “зделать шофа (амбар. — П. С), какова зделана” монастырскими мастерами окольному В. С. Вольнскому. В том же году подьячий Большого дворца Л. Вязмин просил иверских монахов, “чтоб ему зделать двои колясы на коляски нарочитые”, что и было исполнено. “А человек он угрюмой, — сообщали из Москвы, — пуще дьяков. Станет дело делать — зделает, а не захочет — спорит”. По словам монахов, он все откладывал дело: как “ни виснем <...> и он дел не делает”. Этому “угрюмому” подьячему монахи заказали в Москве “два стула круговых” и сообщали в монастырь: “всяко шетаемся — иным сеном, а иным стулами и телегами и досками”¹⁴.

Крупные монастыри, у которых были свои рыбные ловли, ежегодно раздавали в Москве “в почесть” изрядное количество рыбы. Существовало выражение: бить челом “сковороткою рыбки”. Когда-то это

было, действительно, небольшое количество рыбы. Со временем размер “сковоротки” значительно вырос: в 1674 г. Иверский монастырь бил челом А. С. Матвееву “сковородочкой свежие рыбки на двух возках”: на одном была отборная крупная рыба, на втором — 5000 покупных сельдей. Подношение рыбы к масленице и Николину дню считалось обычным делом. Иногда такое подношение называлось “гостинцем”: в 1659 г. князь И. А. Голицын получил от Иверского монастыря “гостинцов <...> рыбки в кулю”: 30 шук, 20 лещиков, 1000 сельдей¹⁵.

Для раздачи “в почесть” годилась не всякая рыба. В 1669 г. наместник иверского подворья писал: “а что <...> прислано к нам на расход и в раздачу 6000 сельдей, и на Москве такую рыбу не дорожат и в честь ее не ставят, хотя б и большие сельди были”. При этом все прекрасно понимали материальную ценность подносимой “почести”: воз отборной рыбы мог стоить в Москве до 15 руб¹⁶. Поэтому, когда боярин Б. М. Хитрово собрался разобраться с делом Иверского монастыря, он “рыбы не принял, а сказал: сковороткою де у меня не отделаетесь, есть де у меня дело с вами, дело большое, послушаю де сам. И в разговор не дался и письмо отдал. А рыба ему была законная, и он не поглядел. И мы с ним не знаем, как быть”, — писали монахи в монастырь¹⁷. “Почесть” носила характер своеобразного соглашения — в обмен на нее приказные люди как бы брали на себя обязательство благожелательно отнестись к челобитчику. Даже “законная” рыба к празднику, как это сознавалось обеими сторонами, не могла не влиять на ход дела в приказе.

Приказные люди привыкли смотреть на подношение рыбы по праздникам как на причитающийся им корм. Так, иверский стряпчий сообщал в монастырь: боярину А. С. Матвееву “почасту живую рыбкою почесть чиню, потому что жалует и сам о рыбы о живой присылает ко мне людей, чтоб принести”. В 1670 г. иверские монахи просили прислать в Москву “рыбы свежей с воз приказным людям в почесть, потому что которым дьяком и приказным людям на масленицы рыбки не дошло, так оне ныне нам пеняют и дел не делают”. В 1679 г. они же писали в монастырь, что судьи Новгородского приказа окольников И. И. Чириков и думный дьяк А. Кириллов “горазда на нас посягательны, и дьяки також криво смотрят, что им преж сего бывало по вся зимы в г[одо] вую почесть по бочки рыбы”, а ныне “тово нет. И оне також в <...> делах спорят”. Получая причитающуюся им рыбу, дьяки и подьячие, случалось, еще и выговаривали: “мочно было и просолные рыбы быть”¹⁸.

Монастыри, владевшие соляными промыслами, ежегодно привозили в Москву “в почесть” также и соль. Иверский монастырь послал в столицу на раздачу приказным людям “в корм” в 1669 г. — 600 пуд., в 1672 г. — 780 пуд., а в иные годы — и свыше тысячи пудов (при рыночной цене 18 коп. за пуд). Самые крупные подношения: до 100—300 пуд. доставались покровителям монастыря и думным людям. Ежегодные раздачи соли также заранее ожидалось приказными. В 1669 г. наместник Иверского подворья в Москве писал: “езде по приказам, где есть дела, просят соли, и мы до симнего пути прошали сроку, и ныне не токмо что подьячие волочат, и сторожи в приказ мало пушают перед начальников, что им нынешний год ничево не бывало, а Иллариону Иванову (думному дьяку. — П. С.) посулено было соли, [и он бес]престанно спрашивает, привезли ли”¹⁹.

К разряду “почести” можно отнести и весьма частое кормление дьяков и подьячих обедами. Обеды были рассчитаны на нескольких приказных и включали ведро вина. Полные траты на такие обеды составляли полтора — два рубля. Столько же давали приказным, когда они по каким-то причинам не могли воспользоваться приглашением на обед: в 1667 г. казначей Тихвинского монастыря дал “в почесть за стол” дьякам И. Владыкину — 5 руб., Г. Мангину — 2 руб.; в 1669 г. молодые подьячие Новгородской четверти получили “в стол” 1 руб. 50 коп.²⁰

Дьяки и подьячие иногда сами “напрошались на рыбную кулебаку” или “на рыбное звено и на чарку винную”. В трудную минуту приказные могли рассчитывать, что челобитчики их накормят. В 1669 г. соловецкие монахи купили рыбу, “и та рыба, сваря, отнесена в приказ к обеду” подьячим Новгородской четверти “по их запросу, потому что их ис приказу не выпускали, были скованы. Им же куплено и в приказ отнесено хлеба и калачей <...> да скляница вина”²¹

Не получив причитающуюся им “почесть”, приказные люди считали себя вправе напомнить об этом челобитчикам. В 1669 г. стряпчий Иверского монастыря подробно описал такого рода эпизод: в Стрелецком приказе “дьяк и подьячие, рняя, что им от нас почести не бывало, а посулено было преж того <...> и они нам паче возъярились и велели” монастырского слугу “держат в приказе”. Тогда монахи “отвезли им почесть и дьяку да подьячому, а иных напоили и накормили <...> слугу выручили”, причем приказные заявили стряпчому: “коли живешь здесь бес [с]ъезду, появляйся нам всегда. И то — почести ради”, — пояснил стряпчий. Такие эпизоды были весьма частым явлением. В приказе Большого дворца подьячий Л. Вязмин взял выписку, “как ему отдали посуленное и рыбки, и рекса опять быть добр и по выписки хотел доложить боярина”. В 1672 г. этот же подьячий говорил, что монастырь “с ним не

справился (не рассчитался. — П. С.), бочки рыбы да рогожи соли не давал. И мы ему рогожу дали соли, чтоб он в указе и в приговоре написал полутче, и он работать рекса”²².

“Почесть” следовало поднести всем приказным, включая последнего причастного к делу подьячего. В 1678 г. стряпчий Нижегородского Вознесенского монастыря получил приказание своих властей поднести “почесть” одному боярину, “а дьяки де и без почести станут делать поневоле, как боярин прикажет”. По этому поводу стряпчий “со многими добрыми людьми говорил и спрашивался, как лутче”, на что опытные люди посоветовали и “дьяком почесть учинить, а не учинить, и они де боярину опорочат и немногим чем и все потерять”²³.

“Почесть” корнями своими уходила в глубину веков. “Почестье” как форма добровольного приношения существовала уже во времена Киевской Руси. В XVII в. еще встречается архаическая форма этого слова: в 1626/27 г. соловецкий игумен “ходил с почесным” по дворам боярина и дьяков, раздавая четки²⁴. “Почесть” была призвана выразить уважение к тому, кому она предназначалась. Это традиционное значение “почести” в той или иной мере сохранялось и в XVII в. В ответ на “почесть” от монастырей многие приказные присылали “почесть” и со своей стороны: продовольствие, сено, дрова, делали денежные вклады, давали деньги в долг, советовали, к кому лучше обратиться по монастырскому делу. “Почесть” обслуживала в числе прочего и средневековые отношения покровительства. Вместе с тем в XVII в. за старым понятием “почесть” нетрудно разглядеть и новое содержание. “Почесть” все более приобретала значение узаконенной взятки. Иногда ее даже стали заменять деньгами “на рыбу” и “в почесть за стол”, “в почесть за яйцо” (пасхальное)²⁵.

Подношение сотен пудов соли и 50 руб. А. С. Матвееву от Иверского монастыря, хотя и называлось в монастырских документах “почестью”, по сути было уже “посулом”. Примечательно, что сам А. С. Матвеев, не желая афишировать свое расположение к монастырю, сказал монахам: “выписки <...> доложу великому государю и чтоб на выписке пометил иново приказу дьяк, так де и вам лутчи, и мне не огласно, а, конечно, де грамоту дам, и деревни по-прежнему будут за вами, толки дайте сроку государю доложить”²⁶.

Другая категория подношений в приказах связана с расходами на ведение и оформление дела. Обычно дело начиналось с подачи челобитной, которую следовало записать в приказе. В 1672 г. тихвинские монахи подали две челобитные и в обоих случаях дали от их записи в приказе 10 коп. и сторожу 6 коп. Дополнительно было уплачено 6 коп. приставу за выемку приставной памяти. В 1690 г. запись челобитной Тихвинского монастыря обошлась опять же в 10 коп. Для поиска челобитной противной стороны “в столпу” Прилуцкий монастырь заплатил подьячему 18 коп.²⁷

Особо большие расходы приходились на изготовление выписки по делу. Необходимую для выписки бумагу челобитчики покупали сами по цене 4 коп. за “десть” и приносили в приказ. Расходные книги монастырей показывают устойчивые таксы на выписки на протяжении всей второй половины XVII в.: 1 руб. 50 коп., 1 руб., 60, 50, 40, 25 и 20 коп. Этот прејскурант был всем хорошо известен. В 1651 г. власти Суздальского Покровского монастыря велели стряпчему в Москве “за небольшое дело по перечням выписать дать подьячему полтина денег”. Совсем маленькая выписка, например, о количестве дворов за монастырем стоила 10 коп. Поскольку такая выписка помещалась на одном листе, логично считать, что лист выписки стоил 10 коп. Выписки в 10—15 листов в делах XVII в. встречаются редко; им как раз соответствуют максимальные цены за эту работу в один и полтора рубля²⁸.

Приказные люди умели считать и прекрасно разбирались, на каком деле легче заработать “на письме”. В 1669 г. иверские монахи сетовали на подьячих, отказывавшихся дать выписку: “Говоришь, говоришь и бьешь челом, и они не смотрят: то де пульное дело, мы де и для больших дел за вашею выпискою грамоты не отпускаем”²⁹. Выражение “пульное дело” (пула — мелкая медная монета) в данном случае выражало, если можно так сказать, коммерческий подход подьячих к своей работе. Подьячим было выгодно брать деньги за большой объем письма. Возможно, этим объясняется размашистый почерк московского делопроизводства с большими расстояниями между строчками. В начале XVIII в. Иван Посошков, имея в виду это расточительство, советовал писать по 50 и более строчек на листе: “во всем свете пишут мелким писмом, а на нас все окрестные государства бумаги напасти не могут”, — писал он³⁰.

Зачастую подьячие торговались с челобитчиками и требовали денег сверх обычая. В 1669 г. иверские монахи сообщали в монастырь: “волочат для взятка подьячие: за вашим делом сидеть надобно многое время, не умереть де стать, надобе де человеком пяти или шти то дело делать. И надобе, за чем делать”, — намекали подьячие. Для ускорения работы требовалась специальная плата. В 1681 г. Тихвинский монастырь заплатил подьячим Большого дворца, “чтоб выписку писали скорее и радели”:

А. Тимофееву — 3 руб., В. Иванову — 1 руб. 50 коп.; сверх того подьячим купили бумаги на 10 коп. и продуктов на 72 коп.³¹

Изготовленную выписку должен был “справить” старый подьячий и пометить дьяк. Цена “справы” и пометы чаще всего составляла от 50 коп. до 2 руб. за каждую, но в зависимости от объема и обстоятельств могла колебаться от 30 коп. до 3 руб.³²

После этого дело можно было передавать в суд. До суда было уместно почтить приказных особым подношением. В 1681 г. тихвинские монахи, “как выписку слушали”, поднесли думному дьяку Л. Иванову 3 бочки рыбы и еще одну — трем дьякам. В 1694 г. стряпчий Прилуцкого монастыря заплатил подьячему “от писма суда” 5 коп.³³

Написать память стоило 10—12 коп. При этом если в чем-то подьячие шли навстречу челобитчикам, стоимость памяти возрастала. В 1675 г. иверские монахи заплатили за письмо памяти об освобождении их от пошлин с проданных 1000 пуд. соли 50 коп.³⁴

“Писчее” за грамоту по расходным записям Соловецкого монастыря 1592—1595 гг. составляло, как правило, 10 коп. и лишь однажды в документе названа цена в 25 коп.³⁵ В XVII в. обычная плата за “письмо” грамоты составляла столько же, сколько и челобитной, — 3 коп. за лист, чем и объясняется типичный размер “писчего от грамоты” — 7—10 коп. Столько же стоило изготовить копию грамоты. Таким образом, нормативная стоимость грамоты оставалась неизменной с конца XVI в. Однако “отпуск” грамоты был всегда непростым делом. Судя по монастырским отпискам, приказные весьма часто затягивали ее отправление, почему и стоимость грамоты нередко превышала норму и доходила до 30—70 коп. и даже до 1 руб. “Справа” грамоты старым подьячим или дьяком в зависимости от обстоятельств составляла от 50 коп. до 2 руб., но иногда, с учетом особых услуг, до 12 руб., что, возможно, следует считать уже “посулом”. Так, в 1684 г. тихвинские монахи за отправку грамоты об освобождении их от содержания отставных стрельцов кроме “писчего” (7 коп.) и “воскового” (1 коп.) дали дьяку 2 руб., старому подьячему — 12 руб., молодому подьячему — 60 коп., сторожам — 2 коп. Запись грамоты в книгу стоила обычно 4—10 коп.³⁶

Оформление жалованной грамоты шло по более высоким расценкам, а ее обладателю полагалось особо вознаградить приказных. Например, в 1672 г. Тихвинский монастырь за жалованную грамоту на Шунгский погост заплатил кроме печатных пошлин в казну (75 коп.): “подьячим у печати тое грамоты от записки” — 24 коп., сторожам “за воск” — 10 коп. По получении грамоты “в почесть куплено и отнесено” трем дьякам и подьячему рыбы на 20 руб., детям подьячего “от писма той грамоты дано в почесть” 4 руб., дьячим людям “в почесть” — 28 коп., восьми сторожам — 16 коп.³⁷

При уплате денег в казну выдавалась отпись, за которую также следовало платить. Написать отпись стоило 10 коп.; столько же — занести ее в приходную книгу. При приеме крупных сумм подьячие брали за отпись 20—50 коп., очевидно, за пересчет денег. Помета дьяка на отписи обходилась в 16—50 коп., сторож получал “придверное” (2 коп.). При особых обстоятельствах общая стоимость отписи возрастала до 2—4 руб. Стоимость отписи могла даже превышать сумму самого платежа. Так, в 1652 г. Тихвинский монастырь уплатил на патриаршем дворе дани 5 коп. и пошлины 2 коп., дав при этом недельщику 10 коп., за письмо отписи 5 коп. и “придверного” 2 коп.³⁸

Итак, сведения о расходах на оформление и прохождение дел в приказах позволяют выделить как обычные, повторяющиеся расценки, так и нетипично высокие цены. Не зная всех обстоятельств, трудно оценить значение каждой переплаты, но в целом такие надбавки, особенно если они превышали 1—2 руб., можно отнести к разряду “посулов”.

Плата “за письмо” и другие услуги составляла не самую большую, но зато постоянную часть доходов приказных. Условно принимая ежедневную норму письма в 5 листов при стоимости 10 коп. за лист, можно оценить доход подьячих, занятых перепиской дел, в 50 коп. в день и 100—200 руб. в год. Доходы старых подьячих и дьяков, скреплявших документы, были на порядок выше. Количество “челобитчиковых” дел в приказах было неодинаково. Поэтому такой приблизительный расчет является не столько реальной цифрой, сколько ориентиром, позволяющим оценить доходы приказных от оформления дел в целом. У дьяков и подьячих только эти подношения, не считая переплат за скорость и благожелательное отношение, а то и прямое нарушение закона, могли в 5—10 раз превышать их годовые денежные оклады.

Дьяки и подьячие Посольского, Казенного и других приказов, где было мало или вовсе не было “челобитчиковых” дел, ежегодно получали из казны компенсацию, носившую название “праздничных денег”. В 1677/78 г. подьячие, золотописцы и сторожа Посольского приказа должны были получить жалованье: по денежным окладам — 479 руб., деньгами за хлеб и соль — 497 руб. 60 коп. и

“праздничных денег” в общей сложности 438 руб. 80 коп.³⁹ Пожалование “праздничных денег” из казны лишь в незначительной степени компенсировало отсутствие доходов от “челобитчиковых” дел.

Служащие приказов, где было много судебных дел, получали “праздничные деньги” не из казны, а от населения, по крайней мере на Рождество, Благовещение, Пасху, Успение, Усекновение главы Иоанна Предтечи, Введение и Николин день. “Праздничные деньги” от челобитчиков были обязательным кормом и выдавались задним числом, если срок по каким-то причинам был пропущен. В течение года только один Иверский монастырь выплачивал нужным подьячим Поместного и Стрелецкого приказов по несколько рублей “праздничного” на человека⁴⁰.

Среди подношений приказным людям заметно выделяются крупные траты, зачастую прямо называемые “посулами”. Приведем несколько примеров “посула”. В 1634 г. стряпчий Спасо-Прилуцкого монастыря “снес” дьяку Г. Мартемьянову 30 руб. В следующем году старец того же монастыря Левкий, приехав в Москву добиваться места келаря, “дал” дьяку Г. Нечаеву за свое и монастырское дела четыре раза по 20 руб., всего Г. Нечаев получил в этом году от монастыря “посулов” на 90 руб. В 1676 г., когда выписка Иверского монастыря легла “на стол” перед А. С. Матвеевым, было “посулено боярину” 50 руб., подьячему Б. Протопопову — 30 руб. Примечательно, что и “за письмо” самой выписки было заплачено намного больше нормы — 4 руб. 50 коп. В 1682 г. посадские люди Старой Руссы собирались “поднести” за свое дело окольному А. И. Ржевскому 50 “червонных золотых”. В 1684 г. за монастырское дело в Новгородском приказе тихвинские монахи дали, не считая трат на оформление дела, думному дьяку Е. И. Украинцеву 30 руб. и стопу серебряную, подьячему И. Уланову — 20 руб., молодому подьячему Н. Ключареву — 10 руб. В том же году за другое дело Тихвинского монастыря Е. И. Украинцев получил еще 16 руб., И. Уланов — 15 руб. 50 коп., Н. Ключарев — 6 руб.⁴¹

За один документ дьяк или подьячий могли получить “в посул” сумму, соответствовавшую их годовому денежному окладу. Как правило, размер “посула” не превышал 50—100 руб. В 1672 г. участник тяжбы в приказе З. Воронов грозился выиграть безнадежное дело: “я де рублей сто или двести посулю, хотя де и памяти вынесете и вам де откажут”, “я де мздою глаза залеплю, во что ни станет”⁴². Как видим, посул в 100—200 руб. расценивался как очень большой, способный совершить невозможное.

Все же в отдельных случаях “посулы” достигали еще больших размеров. В 1674 г. иверские монахи узнали, что крестьяне старорусских погостов, добиваясь освобождения от власти монастыря, подали челобитную “мимо всех” приказов царскому духовнику и “верховому спалнику” Д. Лихачеву “и сулят им”: духовнику—1000руб., а Д. Лихачеву — 2000 руб. В 1682 г. судья приказа Большого дворца М. С. Мертвого, оказывавший покровительство Иверскому монастырю, сообщил иверским монахам, что их противник ему “сулит тысячу рублей <... > и подьячему давал пятьдесят рублей, чтоб он ему то дело показал и на ево б руку гнул”⁴³.

“Посул”, по существу, был связан с нарушением закона. В 1681 г. иверские монахи обошли указ, предписывавший крестьянам их монастыря возить бревна в Москву. Учинив “почесть”, они выкупили за 10 руб. 25 коп. и саму воеводскую отписку об этом распоряжении⁴⁴. “Посулами”, хотя и небольшими, следует считать оплату незаконных действий при оформлении дела. К ним относились снятие копий с чужих челобитных и запечатывание грамот без пошлин. За последнее давали 10 или 18 коп., тогда как сама пошлина составляла 75 коп.⁴⁵

“Посул” предлагали как в устной, так и в письменной форме. В фонде Разрядного приказа сохранилось подлинное “посульное письмо”: “Бьют челом Дедилова города сторожевые казаки пятьдесят человек да полковых казаков десет человек. Смилуйся, государь, пожалуй нас, заступи своею милостию, а мы от того дела тридцать кули сухарями, дватцатью полот ветчины, четверть круп московской меры. Государь, смилуйся пожалуй”. Неопытные в московских обычаях дедиловские казаки ожидали с этим письмом на соборной площади в Кремле дьяка С. Давыдова, но по ошибке вручили его другому дьяку, и дело вышло наружу. В соответствии с Уложением казаки были биты за “посул” кнутом и батогами “нешадно”⁴⁶.

Нередко “посул” был следствием вымогательства приказных. В 1669 г. подьячий приказа Большого дворца С. Савлуков решил взыскать причитавшиеся с Иверского монастыря 900 руб., которые по особому царскому указу были пожалованы обратно в монастырь. “Ожидая к себе взятки”, он составил две выписки — одну “против дела”, а “другую не против дела”, вымогая у монастыря 50 руб. Монахи намеревались дать ему только “почесть”, чтоб не “брюжжал до времени”, и отказались пойти на сделку. Хотя приказные судьи признали правоту монастыря, С. Савлуков, “не докладывая боярина и думного и дьяков, видя, что ему отказали <... > написал было грамоту собою” в Новгород о немедленном взыскании с монастыря 900 руб. “и с тою грамотою хотел послать наскоро трубника”. С. Савлуков вел

себя так смело, поскольку рассчитывал на помощь своего брата, дьяка Д. Савлукова, служившего в том же приказе. Монахи немедленно подали челобитную, где описали все злоупотребления подьячего: подлог в деле, вымогательство 50 руб., самовольная отправка грамоты. Боярин Б. М. Хитрово “ево в том роспрашивал, и он в посуле не запирался: есть бы де дали, и я б взял, а дело зделал против государева указу”. Весьма примечательно, что сам по себе “посул”, с точки зрения как подьячего, так и судей, не был преступлением и подьячий в нем “не запирался”. Он лишь утверждал, что этот “посул” не привел бы к нарушению закона. Судьи вменяли С. Савлукову в вину не “посул”, а то, что в его ожидании он затягивал дело.

С. Савлуков стал чинить монастырю препятствия в других делах. Как писали монахи, “отписок не кажет и не выписывает, всегда от него проходу нет, всякому делу мотчание чинит”.

С. Савлуков был матерым взяточником. Во время тяжбы с монастырем в приказе объявился беглый монастырский крестьянин, и Савлуков отказался принимать у монастыря иск по этому делу. По челобитью монахов “дьяки, ево призвав, ганяли и велели” дело принять, но подьячий “ради своево взятку” выманил у крестьянина 20 руб. и “выслал вон ис приказу” со словами: “поди де, не ходи никуда”. К Савлукову стали приходять и другие крестьяне, желавшие освободиться от власти монастыря, и он скрывал от монахов их имена: “сказывает, есть де ваши, да вам де не скажу, отнюдь собака не скажет, ни честь его, ни подавание не ймет, толко что насмехается, и подьячие отнюдь ништо не скажет по ево, Степанову, заказу”.

При этом подьячий не переставал вымогать 50 руб., требуя половину суммы вперед, прежде чем он уничтожит неблагоприятную для монастыря выписку. В 1672 г. Савлуков добился отправки боярской грамоты о взыскании с монастыря 900 руб., но одновременно не прекращал вымогательства: “Буде де тех мне пятидесяти рублев не воротят, и я де им то зделаю, что будут по-прежнему и последние девятсот взяты”.

Не находя управы на подьячего, монастырские власти обратились к архимандриту Чудова монастыря Иоакиму: “велит ли он давать те денги или нет и что он про то скажет”. Судя по всему, Иоаким советовал откупиться от подьячего, которому было вручено теперь уже 100 руб. В 1674 г. Савлуков стал утверждать, что денег не получал и требовал их вновь. Монахи пригласили подьячего на свое подворье, где он согласился взять еще 20 руб. и 20 пуд. соли и обещал “все конечно помертвить”. Поначалу монастырские власти хотели отделаться от него 10 рублями и 20 пудами соли, но затем передумали и велели доложить третьему судье приказа М. С. Мертвому: “будет ли велит, ему, подьячему, почесть учинити”, т. е. по сути взятку⁴⁷.

Изложенное свидетельствует о больших возможностях злоупотреблений со стороны приказных. Отсутствие контроля, круговая порука в приказе позволили подьячему одержать верх над таким крупным монастырем, как Иверский.

Совсем иной оборот получило дело того же монастыря в Новгородском приказе, подведомственном окольному А. С. Матвееву, которому монастырь делал крупные подношения. В 1672 г. подьячий И. Юдин вымогал у монастыря “от грамоты” 20 руб., “а за выписку по тому ж”, всего 40 руб. Благодаря заступничеству А. С. Матвеева монахи добились передачи дела другому подьячему. В данном случае действовали в соответствии с Уложением (гл. X, ст. 13). И. Юдин был наказан, но “добил челом и впредь обещался добр быть и радеть во всем”. Дела были вновь переданы И. Юдину, которому монастырь, пытаясь наладить отношения, учинил “почесть”⁴⁸.

Жаловаться на приказного, взявшего “посул”, было небезопасно, если не имелось сильного заступника при дворе или в приказе. В 1669 г. в ходе спорного дела Иверского и Пафнутьевского монастырей пафнутьевский стряпчий обвинил подьячего Монастырского приказа А. Телятева в получении “посула” в 20 руб. от противной стороны. Думный дворянин С. И. Заборовский взялся рассмотреть обвинение в “посуле”. Подьячий вел себя весьма уверенно и утверждал, что его “огласили”: “и тут думной речь замаял”. Подьячий настаивал, требуя доказательств, “и думной не допрашивал и велел (пафнутьевскому стряпчему. — 77. С.): полно де, поди <...> и так дело стало” (т. е. прекратилось). Попытка обвинить подьячего в “посуле” сильно повредила пафнутьевскому стряпчему — его “всем приказом не любят и бранят <...> что доводил, а не довел”⁴⁹.

Подношение обычно относили не на службу, а на дом, где челобитчику сначала предстояло задобрить слуг. “Воротнику” (“приворотнику”) давали хлебом и деньгами 1—6 коп., прочим дворовым людям — “в почесть” 3—10 коп. В особых случаях давали и больше. В 1673 г. тихвинские монахи, одарив А. С. Матвеева 100 рублями, дали двум его людям еще 6 руб.⁵⁰

Во время раздачи икон, рыбы и соли монастыри не забывали дворецкого, конюшого и других слуг думных людей. От них, действительно, многое зависело. В 1684 г. иверский стряпчий “излучил” боярина

В. Ф. Одоевского на дороге. Выслушав просьбу, боярин стал объяснять, что видит правоту монастыря, но не хочет оспорить прежнее решение по делу, вынесенное его двоюродным братом, Ю. М. Одоевским. “И против тех боярских слов ему, боярину, учал говорить, стоячи у саней на запятках, конюшей ево Павел Борташев”. “„Учинен де такой приговор без ведома брата твоего <...> дьяческою понаровкою и подьяческим составом”. И он, боярин, против тех ево, Павловых, слов умолчал. И за то дело, — сообщали из Москвы в монастырь, — он, Павел, взялся крепко”⁵¹.

В наказе стольника Кололтаева своему слуге находим живое описание посещений двора приказного: “пришедше к дьяку, в хоромы не входи, прежде разведай, весел ли дьяк, и тогда войди, побей челом крепко и грамотку отдай, примет дьяк грамотку прилежно, то дай ему три рубля да обещай еще, а кур, пива и ветчины самому дьяку не отдавай, а стряпухе. За Прошкиным делом сходи к подьячему Степке Ремезову и попроси его, чтоб сделал, а к Кирилле Семенычу не ходи, тот проклятый Степка все себе в лапы забрал; от моего имени Степки не проси, я его, подлого вора, чествовать не хочу; поднеси ему три алтына денег, рыбы сушеной да вина, а он, Степка, жадушая рожа и пьяная”⁵².

На дворе приказного судьи или дьяка бывало, кажется, не меньше челобитчиков, чем в самом приказе. Здесь подавали челобитные, получали по ним устные решения, сюда несли “почесть” и “посул”, тут узнавали новости. Для челобитчиков XVII в. было совершенно очевидно, что любое дело начинается и заканчивается на дворе приказного. В этой связи сохранилось интересное свидетельство. В 1637 г. в Путивле казак в разговоре открыто хвастался: “я де государя не слушаю, откупил де я деготь в Володимерской чети у дьяка у Тимофея Голосова, а не у государя и пошлины де откупные плачу Голосову, а не государю”; “далеко де тебе до государя, — продолжал казак, — еще де ты и Разряду на Москве не узнаешь, наперед де найдешь Голосова, станешь де бить челом Голосову наперед”. На возражение “ино де Голосов больше государя?” разошедшийся казак заявил: “еще де государю не сойдется с Тимофеем Голосовым”, “находить де тебе наперед прежде государя Голосов двор”⁵³.

Г. Котошихин сообщает, что приказные брали “посулы”, “хотя не сами собою, однако по задней лестнице, чрез жену или дочь, или чрез сына и брата и человека, и не ставят того себе во взятые посулы, будто про то и не ведают”⁵⁴. Соборное уложение (гл. X, ст. 7) предусматривало наказание приказного и в том случае, если “посул” взял “брат его или сын или племянник или человек”. Казалось бы, это свидетельствует о распространенности явления. Однако монастырские расходные книги лишь изредка упоминают предназначенные непосредственно родственникам подношения, да и то не в крупных размерах. Такое подношение, по-видимому, имело целью не передать “посул” через третьи руки, а просто оказать влияние на приказного через близкого ему человека. В 1652 г. дьяк Монастырского приказа получил пирог за 9 коп., поскольку доводился племянником “нужному” дьяку И. Патрекееву. В 1680 г. окольный И. И. Чириков получил “в почесть” калач, а его племянник Я. Гаврилов — 10 коп. деньгами; подьячему И. Зуеву поднесли калач за 8 коп. и деньгами 1 руб., жене его — 10 коп., людям — 2 коп. В 1681 г. дети боярина Ю. М. Одоевского получили от челобитчиков яблок на 20 коп., а в 1683 г. — винных ягод и изюму на 6 коп.⁵⁵ Расходные монастырские книги и детальное описание самих подношений в отписках из Москвы заставляют усомниться в том, что дача “посула” через родственников была массовым явлением.

Рассмотренный материал позволяет уточнить классификацию подношений в московских приказах, предложенную Н. Ф. Демидовой (“почесть”, “поминки”, “посул”). Грань между более или менее законной “почестью” и незаконным “посулом” зачастую была очень зыбкой. Общим для различных видов подношений было и то, что они являлись составными частями содержания приказных.

Факты подтверждают оценку “почести” как денежного и натурального подношения для благожелательного рассмотрения дела в соответствии с законом и обычаем. Вместе с тем “почесть” отражала средневековые отношения покровительства и как бы компенсировала отсутствие детально разработанного процессуального права.

Находящиеся в нашем распоряжении источники не подтверждают предложенную Н. Ф. Демидовой оценку “поминок” как платы за выполнение определенных работ, часть которых была прямой обязанностью приказных. Термин “поминки” вообще не встречается в монастырских описаниях подношений в приказах. Вероятнее всего, “поминки” соответствовали основному значению этого слова — гостинцы, подарки. Именно такие термины употребляли для обозначения дорогих вещей, подносимых приказным. Если “поминки” и “гостинцы” были не слишком велики, их можно, скорее, считать разновидностью “почести”. Если же их стоимость составляла несколько рублей (меха, жемчуг, кони и т. д.), они были ближе к “посулам”.

Для обозначения платы за письмо и оформление дел источники используют другие термины: “от челобитья”, “от выписки”, “от грамоты” и т. п. На протяжении всего XVII в. плата за оформление бумаг

отличалась постоянством, независимо от инфляции. Надо думать, что расширение делопроизводства компенсировало приказным неизменность расценок “за работу”.

В рамках настоящего сообщения нет возможности подробно рассмотреть законодательство о подношениях в приказах XVII в., поэтому отметим лишь общую направленность закона в данном вопросе. В отличие от “почести” и платы “за работу” только “посул” находился в поле зрения закона, так как он квалифицировался в качестве взятки в современном смысле слова, что хорошо видно на рассмотренных материалах. Законодательные памятники позволяют проследить отрицательное отношение к “посулам” еще со времен, предшествовавших появлению приказов. Законодательство XIV—XV вв., судебники 1497, 1550, 1589 г. решительно осуждают “посулы”, понимая под ними подношения, связанные с несправедливым решением дела⁵⁶. Этот же взгляд получил развитие в Уложении 1649 г., где тема “посула” разработана с большей полнотой. В Уложении появились новые казусы: дача “посула” через третьих лиц, родственникам судей, в доме приказного и др. Таким образом, законодательство XIV—XVII вв. всегда декларировало негативное отношение к “посулу”. В этой связи представляется не имеющим опоры в источниках вывод в комментариях к соответствующим статьям Соборного уложения: “направленность закона против посулов была, видимо, попыткой ликвидации одного из институтов обычного права, сохранившегося с давних времен и состоявшего в своеобразной форме (в виде посулов) вознаграждения судей”. По мнению А. Г. Манькова, в условиях централизованного государства, при наличии земельного и денежного обеспечения судей посул “переродился в обычную взятку”, и Уложение призвано было ликвидировать “именно эту прежнюю систему обеспечения судей”⁵⁷.

Не вдаваясь в подробное рассмотрение вопроса о происхождении “посулов”, далеко выходящего за рамки данной работы, заметим, что тезис о восхождении “посула” к нормам обычного права требует обоснования. Законодательство XIV—XVII вв. не рассматривает “посулы” ни как норму обычного права, ни как средство содержания судей. “Посул” понимался именно как подношение, прямо ведущее к несправедливому суду, и в этом смысле его трудно возводить к обычному праву. А. Г. Маньков смотрит на подношения в приказах сквозь призму Соборного уложения, запрещавшего именно “посулы”, тогда как в реальной жизни они составляли лишь часть подношений от челобитчиков. Законодательство XIV—XVII вв. никак не регламентирует и даже не упоминает “почесть” и подношения “за работу”. Скорее всего, именно их и следует относить к нормам обычного права.

В отличие от Соборного уложения, общественное сознание второй половины XVII — начала XVIII в. осуждало не только “посулы”, но и другие подношения приказным. Юрий Крижанич выступал против того, “что приказным людям не дают подобающий платы. Бедный подьячий должен сидеть весь год в приказе целыми днями, не пропуская ни единого дня, а часто сидит и целыми ночами, а из казны ему идет алтын в день или 12 рублей в год. И велят ему в праздник являться в цветном платье, а на одно это не хватит тех 12 рублей. Как же ему прокормить и одеть и себя, и жену, и челядь? <...> А на что живут? Легко догадаться: живут, торгуя правдой”⁵⁸. В публицистическом произведении Ивана Посошкова выражено уже сформировавшееся в обществе мнение о том, что “почесть” и “гостинцы” являются замаскированным “посулом”: “А гостинцев у исцов и у ответчиков отнюд принимать не надлежит, понеже мзда заслепляет и мудрому очи. Уже бо кто у кого примет подарки, то всячески ему будет способствовать, а на другово посягать, и то дело уже никогда право и здраво разсуждено не будет, но всячески будет на одну сторону криво. И того ради отнюд почести ни малые судье принимать не годствует”.

Посошков предлагал совершенно иную, нежели Крижанич, систему обеспечения приказных. Он советовал вообще прекратить напрасную выплату им жалования из казны: “пропадает она даром, ни за одну деньгу гинет”. Посошков полагал “пропитания ради главным судьям и приказным людям учинить оклад з дел, по чему с какова дела брать за работу <...> с каковы выписки, иль с указа какова, иль с грамоты, иль с памяти”⁵⁹. Предложения Крижанича вели к дальнейшей бюрократизации управления, тогда как Посошков предлагал законсервировать и упорядочить средневековую систему обеспечения приказных. Итак, общественная мысль конца XVII — начала XVIII в. видела недостатки обеспечения приказных и предлагала различные пути решения проблемы. Какой же путь выбрала государственная власть?

Исследование Н. Ф. Демидовой позволяет уяснить основные тенденции государственной политики в отношении жалованья приказным людям XVII в. На протяжении столетия при общем росте расходов на содержание приказных размеры среднего денежного жалованья дьякам не только не выросли, но даже уменьшились — со 100 руб. в 1626/27 г. до 84 руб. в 1656/57 и 88 руб. в 1688/87 г. Причем доля дьяков с высокими окладами сократилась на треть. Средний размер жалованья московских подьячих также уменьшился — с 14, 3 руб. в 1626/27 г. до 12 руб. в 1656/57 г. и 9, 5 руб. в 1682/83 г. Из-за нехватки денег правительство несколько раз понижало оклад подьячим, что привело к появлению категории подьячих, вообще не верстаных жалованьем. В 20-х гг. XVII в. такие подьячие еще были

исключением (0, 9%), а в 1656 г. их было уже 34%, в 1682/83 г. — 40% от общего числа. Финансовые трудности не позволяли регулярно и полностью выплачивать и эти уменьшенные оклады. Чтобы хоть как-то компенсировать нехватку жалованья, правительство разрешило расходовать на это деньги, отпускаемые на покупку бумаги, чернил, свечей и проч.⁶⁰

Сопоставление приведенных выше данных о подношениях в приказах с результатами исследования Н. Ф. Демидовой позволяет сделать вывод о том, что обеспечение центрального аппарата управления XVII в. имело преимущественно небюрократический характер. Более того, на протяжении XVII в. роль жалованья из казны у приказных уменьшалась, а доходы от подношений челобитчиков возрастали. Поэтому не следует переоценивать степень бюрократизации аппарата управления XVII в., сохранявшего во многом архаические черты предшествовавшего времени. В 1669 г. монах Антониево-Сийского монастыря “за петровское нес в почесть по борану” двум дьякам Устюжской четверти⁶¹. Как видим, обычай подношения барана к Петрову дню, отмененный вместе с наместничим кормлением еще в середине XVI в., продолжал существовать в Москве сто лет спустя.

Рассмотренный материал позволяет сделать приблизительную оценку доходов приказных от населения в XVII в. Как уже отмечалось, плата за ведение дел могла в 5—10 раз превышать годовой денежный оклад приказных (разумеется, тех, у кого он вообще имелся). Судя по тому, что отдельные дьяки и подьячие получали “в почесть” только от одного монастыря соли и рыбы на несколько рублей, то, видимо, и “почесть” должна была превышать годовой денежный оклад в несколько раз. “Посул” был связан с нарушением закона и, как правило, значительно превышал все другие подношения. Все подношения в целом раз в десять превышали жалованье из казны.

Такая структура доходов приказных была существенным препятствием для властей в борьбе с волокитой и мздоимством. Большого труда стоило также заставить дьяков и подьячих отбывать положенное время на службе, ведь челобитчики ожидали приказных на их подворьях, куда и везли самые ценные подношения.

Административный аппарат XVIII в., в корне отличавшийся от приказного строя XVII в., тем не менее сохранил практику подношений от челобитчиков. В 1714 г. Петр I отменил поместное обеспечение чиновников и повысил денежное жалованье. Однако уже в 1727 г. нехватка средств заставила правительство вернуться к прежней системе обеспечения, предусматривавшей работу канцелярских служащих в городах без жалованья с позволением “брать акциденции от дел против прежнего, чем без нужды довольствоваться могут, а дела могут исправнее и бес продолжения решиться, понеже всякой за акциденцию будет неленостно трудиться”. Лишь в начале 60-х гг. XVIII в. это правило было отменено⁶².

Монастырские расходные книги первой четверти XVIII в. позволяют сделать вывод, что в Петровское время сохранялись почти без изменения подношения в канцеляриях деньгами и натурой “в почесть”, кормление приказных обедом, плата за оформление дел и дача “посулов”. Несмотря на инфляцию в первой четверти XVIII в., плата за оформление дел и услуги в приказах остались почти на прежнем уровне: “краткая докладная выписка” стоила 2 коп. за бумагу и 3 коп. за работу, выписка на один лист — 10 коп., большего объема — 75 коп., “хоженое” — 5 коп. Запись крепости в книгу стоила 2 коп. за бумагу и 3 коп. за работу, “надсмотрщику за работу” платили 20 коп., сторожам — 2 коп.⁶³ Челобитчики по-прежнему сами покупали бумагу на ведение своих дел.

Формирование системы управления по образцу западных абсолютистских монархий предполагало отказ от ее обеспечения непосредственно за счет населения. В России XVII в., напротив, эти средневековые черты усиливались. Государственная власть переложила большую часть расходов по содержанию приказного аппарата на плечи населения. Эта особенность составляла одну из отличительных черт формирования аппарата управления российского самодержавия⁶⁴.

Рост приказного аппарата вызывался государственными потребностями, но само государство было не в состоянии его содержать. Результатом этого противоречивого процесса было появление в России чиновничества, которое в отличие от бюрократии нового времени в значительной степени содержалось самим обществом. “Почести”, “посулы” и прочие виды “кормления от дел”, стоявшие у колыбели российского чиновничества, надолго определили лицо государственного аппарата, а глубоко укоренившиеся “посулы” наследовало последующее время.

Примечания

¹ Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987. С. 141 — 146.

² Флетчер Д. О государстве Русском. СПб., 1911. С. 85; Россия начала XVII в. Записки капитана Маржерета. М., 1982. С. 160—161, 172; Мейерберг А. Путешествие в Московию и через Московию

- в Персию и обратно. СПб., 1906. С. 284, 291; Коллинс С. Нынешнее состояние России... М., 1846. С. 4, 13, 22; Дневник генерала Патрика Гордона//Чтения ОИДР. 1892. Кн. 3. Отд. 3. С. 97; и др.
- ³ Акты юридические. СПб., 1838. № 367, 377; Старинные акты, служащие преимущественно дополнением к описанию г. Шуи и его окрестностей. М., 1853. № 134.
- ⁴ Архив СПбФ ИРИ РАН, ф. 181, оп. 1, № 2304, л. 54.
- ⁵ Там же, № 2802, л. 12.
- ⁶ Там же, № 2006, л. 59.
- ⁷ Там же, ф. 271, оп. 1, № 470, 485, 486, 529, 539.
- ⁸ Там же, ф. 181, оп. 1, № 2006, л. 149 об.; № 2304, л. 41.
- ⁹ Там же, № 1443, л. 170 об.; № 2304, л. 27.
- ¹⁰ В 1634 г. пирог в 24 коп. поднесли дьяку П. Чирикову — Там же, ф. 271, оп. 2, № 144, л. 10; № 245, л. 5 об.; № 343, л. 17, 20.
- ¹¹ Там же, ф. 181, оп. 1, № 1443, л. 44; № 2304, л. 5, 66; № 2716, л. 28.
- ¹² Там же, ф. 132, оп. 2, № 304, л. 4 об.; № 305, л. 3; № 364, л. 8, 17 об. — 18; ф. 181, оп. 2, № 322, л. 7 об., 32, 39 об., 44 об.; № 325, л. 14, 20—20 об.; № 368, л. 21 об. — 22, 23 об., 25, 27, 29; № 380, л. 20; № 383, л. 25 об.; ф. 271, оп. 2, № 327, л. 23; № 359, л. 5, 7 об.; РГАДА, ф. 1196, оп. 3, № 155, л. 7, 7 об., 17 об.; оп. 4, № 98, л. 5.
- ¹³ Архив СПбФ ИРИ РАН, ф. 181, оп. 1, № 2534, л. 26, 35.
- ¹⁴ Там же, № 1443, л. 138в об., 169 об.; № 1575, л. 73 об. — 74 об.
- ¹⁵ Там же, № 447, л. 4; № 2331, л. 2.
- ¹⁶ Там же, № 1575, л. 25, 31.
- ¹⁷ Там же, № 2006, л. 33—34, 48.
- ¹⁸ Там же, № 1575, л. 76; № 2304, л. 94; № 2449, л. 24; № 2802, л. 30.
- ¹⁹ Там же, № 1443, л. 6—7, 16; № 2006, л. 5, 15; № 2304, л. 3, 5; № 3014, л. 3.
- ²⁰ Там же, ф. 132, оп. 2, № 189, л. 14; № 234, л. 5 об.; № 364, л. 8 об., 23—23 об.; ф. 181, оп. 2, № 978, л. 8.
- ²¹ РГАДА, ф. 1196, оп. 3, № 155, л. 4; оп. 4, № 98, л. 15, 17.
- ²² Архив СПбФ ИРИ РАН, ф. 181, оп. 1, № 1443, л. 90—91, 184; № 2006, л. 53—54.
- ²³ Акты Нижегородского Вознесенского монастыря. М., 1898. С. 346.
- ²⁴ РГАДА, ф. 1201, оп. 1, № 441, л. 5.
- ²⁵ Архив СПбФ ИРИ РАН, ф. 132, оп. 2, № 189, л. 14; № 234, л. 5 об.; ф. 271, оп. 2, № 238, л. 3, 3 об.; РГАДА, ф. 1196, оп. 4, № 28, л. 5 об. — 6.
- ²⁶ Архив СПбФ ИРИ РАН, ф. 181, оп. 1, № 2304, л. 27, 38.
- ²⁷ Там же, ф. 132, оп. 2, № 189, л. 46 об.; № 635, л. 4 об.; ф. 271, оп. 2, № 327, л. 16.
- ²⁸ Там же, ф. 3, оп. 2, № 212, л. 4 об.; ф. 132, оп. 2, № 305, л. 11; № 364, л. 11 об., 17 об.; № 396, л. 8; № 415, л. 9, 12, 15; № 507, л. 2; ф. 181, оп. 2, № 108, л. 7, 11 об.; ф. 217, оп. 2, № 324, л. 25 об.; РНБ ОР, ф. 532, № 903, л. 50; РГАДА, ф. 1196, оп. 3, № 19, л. 7; № 155, л. 12, 21—21 об., 22 об.; № 182, л. 13, 14, 17; оп. 4, № 43, л. 8; № 98, л. И об. — 12, 12 об.
- ²⁹ Архив СПбФ ИРИ РАН, ф. 181, оп. 1, № 1443, л. 48.
- ³⁰ П о с о ш к о в И. Книга о скудости и богатстве и другие сочинения. М., 1951, С. 89.
- ³¹ Архив СПбФ ИРИ РАН, ф. 181, оп. 1, № 1443, л. 178; ф. 132, оп. 2, № 415, л. 6 об.
- ³² Там же, ф. 132, оп. 2, № 364, л. 11 — 12, 16; ф. 271, оп. 2, № 324, л. 27; РГАДА, ф. 1196, оп. 3, № 25, л. 5, 5 об.; № 182, л. 13, 13 об., 17, 21; оп. 4, № 43, л. 5 об.; № 98, л. 3 об., 4.
- ³³ Архив СПбФ ИРИ РАН, ф. 132, оп. 2, № 364, л. 12 об.; ф. 271, оп. 2, № 359, л. 14.
- ³⁴ Там же, ф. 132, оп. 2, № 305, л. 11; № 364, л. 10, 16; ф. 181, оп. 2, № 108, л. 7.
- ³⁵ РГАДА, ф. 1201, оп. 1, № 6, л. 7—9, 11, 12, 13—13 об.
- ³⁶ Архив СПбФ ИРИ РАН, ф. 3, оп. 2, № 212, л. 8 об. — 9; № 213, л. 10; ф. 132, оп. 2, № 88, л. 34; № 189, л. 55; № 364, л. 11, 11 об., 12, 14; № 415, л. 25—25 об.; № 507, л. 1 об.; № 541, л. 5, 5 об.; № 752, л. 3 об.; № 799, л. 17 об.; ф. 181, оп. 2, № 108, л. 5 об., 7 об.; ф. 271, оп. 2, № 144, л. 8; № 327, л. 25 об.; РГАДА, ф. 1196, оп. 3, № 19, л. 7 об. — 8, 9; № 25, л. 4, 5, 7; № 155, л. 6, 17, 21 об.; оп. 4, № 28, л. 3, 4 об.; 5- № 43, л. 6; № 98, л. 6, 7—7 об.; ф. 1201, оп. 1, № 718, л. 5.
- ³⁷ Архив СПбФ ИРИ РАН, ф. 132, оп. 2, № 189, л. 44—45.
- ³⁸ Там же, № 202, л. 5 об.; № 415, л. 25 об. — 26; № 705, л. 3 об., 4 об.; № 799, л. 13; ф. 181, оп. 1, л. 199 об.; ф. 271, оп. 2, № 230, л. 8 об.; № 238, л. 3 об.; № 239, л. 4 об.; № 245, л. 6 об. — 7; № 321, л. 7, 9; № 324, л. 12, 22 об.; № 327, л. 12, 29; РГАДА, ф. 1196, оп. 3, № 37, л. 9 об., 11; № 84, л. 6, 6 об.; № 182, л. 8, 8 об., 9 об. — 10 об.
- ³⁹ РГАДА, ф. 159, оп. 1, № 885, л. 67, 77.
- ⁴⁰ Архив СПбФ ИРИ РАН, ф. 181, оп. 2, № 322, л. 22, 33 об., 41 об.; № 325, л. 22 об., 31—31 об., 43 об., 47; № 380, л. 22, 36 об.
- ⁴¹ Там же, ф. 132, оп. 2, № 415, л. 25 об., 26 об., 28—28 об.; ф. 181, оп. 1, № 2534, л. 26; № 3109, л. 55; ф. 271, оп. 2, № 144, л. 4 об., 5 об., 7—7 об., 8 об. — 9 об. ⁴² Там же, ф. 181, оп. 1, № 2006, л. 44—45.
- ⁴³ Там же, № 2304, л. 56; № 3101, л. 36.
- ⁴⁴ Там же, № 3014, л. 11 — 12.
- ⁴⁵ Там же, ф. 132, оп. 2, № 364, л. 19 об., 23 об.; № 415, л. 5, 23; ф. 271, оп. 2, № 357, л. 3 об.
- ⁴⁶ РГАДА, ф. 210, Приказной стол, стб. 288, л. 411—416.
- ⁴⁷ Архив СПбФ ИРИ РАН, ф. 181, оп. 1, № 1443, л. 8, 17, 22, 24—25, 47—48, 100, 101; № 1575, л. 15—17; № 2006, л. 120—123; № 2304, л. 2, 9 об., 81—82 об., 90.
- ⁴⁸ Там же, № 2006, л. 158—159, 163, 176—177; № 2304, л. 4.
- ⁴⁹ Там же, № 1443, л. 2—3.

- ⁵⁰ Там же, ф. 132, оп. 2, № 189, л. 13, 15, 46 об.; № 282, л. 3, 4; № 283, л. 3 об., 4 об., 5; № 304, л. 5; № 552, л. 10 об. — 11 об.; № 594, л. 4; ф. 271, оп. 2, № 144, л. 8, 9.
- ⁵¹ Там же, ф. 132, оп. 2, № 415, л. 8; ф. 181, оп. 1, № 3416, л. 5.
- ⁵² Соловьев М. История России с древнейших времен. Кн. V. М., 1990. С. 315. ⁵³ Новомбергский Н. Слово и дело государевы. Т. 1. М., 1911. С. 465—467.
- ⁵⁴ Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906. С. 118.
- ⁵⁵ Архив СПбФ ИРИ РАН, ф. 132, оп. 2, № 415, л. 8, 19; ф. 271, оп. 2, № 238, л. 4; № 324, л. 5 об., 13 об.
- ⁵⁶ Судебники XV—XVI веков. М.; Л., 1952. С. 19, 135, 351—352, 374 (комментарии — С. 46, 196—199, 444—446).
- ⁵⁷ Соборное уложение 1649 года. Л., 1987. С. 31—32 (комментарии — С. 184—186).
- ⁵⁸ Крижанич Ю. Политика. М., 1965. С. 584.
- ⁵⁹ Посошков И. Указ. соч. С. 73, 86—87.
- ⁶⁰ Демидова Н. Ф. Указ. соч. С. 122—137.
- ⁶¹ О подношении “за петровское” барана и к Рождеству гуся см.: РГАДА, ф. 1196, оп. 4, № 28, л. 10; № 98, л. 8 об. — 9, 17 об.
- ⁶² Троицкий С. М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. М., 1974. С. 253—256, 265, 267; Анисимов Е. В. Россия без Петра. СПб., 1994, С. 101—102.
- ⁶³ Архив СПбФ ИРИ РАН, ф. 132, оп. 2, № 1087, л. 4 об.; № 1093, л. 12; № 1096, л. 4, 5 об.; № 1098, л. 5 об.
- ⁶⁴ Исследование Г. П. Енина обнаружило существование архаических черт наместничьего кормления XV—XVI вв. у воеводы второй половины XVIII в. — Енин Г. П. Праздничное “кормление” царевкокшайского воеводы в начале 60-х годов XVIII века//Марийский археографический вестник. 1993. № 3. С. 25—33.